

 Секрет Элизабет

Париж, среда, 14 июня 1899 года

Толпа на мосту Пон-Неф собралась за считанные секунды. Кто-то из молоденьких пансионеров в одинаковых форменных платьицах, стоявших тут же, на мосту, вскрикнул от ужаса.

— Женщина бросилась в речку! Женщина бросилась в речку! — раз за разом выкрикивал, тараща глаза, маленький разносчик газет. — Там! Я сам видел!

— Боже, вот горе! Перелезла через перила и прыгнула! — подхватил, дрожа от волнения, какой-то старик.

Два букиниста в серых блузах, растолкав других зевак, перегнулись через парапет и теперь вглядывались в бурные воды Сены.

Май выдался дождливым, и вода стояла высоко. Качались на волне пришвартованные чуть ниже по течению лодки, а мимо как раз проходила вереница барж.

На крики столпившихся на мосту горожан прибежали двое жандармов и тоже стали смотреть на серую беспокойную воду.

— Господи, какой ужас! — воскликнула дама в годах, размахивая зонтиком. — Опять самоубийство! Как в прошлое воскресенье на мосту Мирабо!

К взбудораженной толпе приблизился молодой мужчина. Высокий, в светлом костюме — на такого невольно обратишь внимание... Он обошел стайку пансионеров,

с удивлением отметив про себя, что некоторые девушки горько плачут.

— Я тоже видела, как она летела в воду! — всхлипнула одна, миниатюрная блондинка. — Мы только подходили к мосту, но я видела! И это было жутко!

— И, наверное, сразу захлебнулась! — прибавила ее подружка, вытирая слезы.

Заинтригованный Ричард Джонсон остановился и тут же встретился взглядом с обеспокоенным жандармом, который как раз обернулся.

— Что случилось? — спросил у него молодой человек, чей легкий акцент выдавал в нем англосакса.

— Какая-то горемыка покончила с собой, мсье. Считай, на глазах у этих вот девчонок! — отвечал жандарм. — Река сегодня быстрая, так что ее наверняка сразу утянуло вниз по течению.

Американец на мгновение задумался, потом бросил испуганный взгляд на воду. Вот уже полчаса как он разыскивал свою невесту Элизабет. Еще миг — и кровь застыла у него в жилах. Он готов был поверить в худшее.

— Простите, а может кто-нибудь описать мне эту женщину? — спросил он прерывающимся от волнения голосом.

Старик вскинул сухонькую руку, привлекая к себе его внимание.

— Молодая, миловидная, в желтом платье. Волосы очень красивые, каштановые. Чулки у нее были белые, туфельки — черные, блестящие, — стал он перечислять. — Чулочки я заметил, когда она, бедняжка, взобралась на парапет. Если б только я мог ей помешать...

Старик умолк, увидев, как его собеседник переменялся в лице. В гнетущей тишине все следили за реакцией красивого незнакомца.

— Вы только что описали мне Лисбет, — в страхе сказал он. — Нет, только не это! Только не Лисбет!

Он подбежал к каменному парапету, схватился за него и стал смотреть вниз. Казалось, еще немного — и он тоже прыгнет. Жандарм крепкой рукой оттащил его назад.

— Но почему? — простонал молодой человек.

Монахиня, сопровождавшая девушек-пансионерок, грустным голосом подтвердила показания старика относительно внешности несчастной, после чего перекрестилась.

Ричард к этому моменту едва стоял на ногах. Он, как зачарованный, смотрел на реку и шептал:

— Лисбет вышла из дома полчаса тому назад. Она была в желтом платье, черных лаковых туфельках и белых чулках, совсем новых. И да, у нее длинные каштановые волосы. В субботу утром мы должны были пожениться... *Oh my God!*¹

Он пошатнулся, дыхание оборвалось. Все его мечты о счастье рухнули. Женщина, которую он любил, Элизабет Дюкен, его обожаемая Лисбет, утопилась в этот прекрасный июньский день, под ярким солнцем, золотящим парижские крыши! Сомнений не оставалось. Она решила умереть, а он — он ничегошеньки не понимал...

Когда воды Сены сомкнулись над нею, у Элизабет появилось странное ощущение — она словно бы раздвоилась. Плавать она не умела, и, едва отойдя от шока, вызванного погружением, рефлекторно попыталась вдохнуть. Холодная вода моментально попала в рот, оттуда — в дыхательные пути.

Она словно бы видела себя со стороны — как та, другая Элизабет, борется с ужасным удушьем, колотит руками и ногами, пытаясь бороться с уносившим ее быстрым течением, — и никак не может выплыть. Скоро сознание

¹ Боже мой! (англ.) (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

начало меркнуть, и она сдалась. Перед глазами замелькали картинки из ее еще такой короткой жизни.

Вот она на палубе парохода «Шампань», и медведь танцует под звуки бубна... Вот мама, Катрин, мастерит ей из носовых платков куклу... Вот папа, Гийом, улыбается и берет ее на руки, чтобы поцеловать... А вот она на катке в Сентрал-парке — светится от счастья, потому что Ричард ее обнимает...

Последняя мысль Элизабет была о том, чьей женой она собиралась стать — и уже никогда не станет. Теперь вокруг были только мрак и холод. Глаза у нее были открыты, но не видели ничего, кроме темноты. Не почувствовала она и прикосновения чьих-то пальцев, стиснувших ей запястья. И даже когда ее мучения кончились, еще несколько минут она не воспринимала тревожных голосов двух лодочников, стоявших возле нее на коленях.

Наконец слабая боль в груди привела Элизабет в чувство. Она закашлялась, и ее тут же перевернули на бок, чтобы она могла исторгнуть из себя воду. Свет был таким слепящим, что Элизабет зажмурилась.

— Слава Богу! — послышался женский голос. — Лазар, радость моя, ты ее спас! Спас эту бедняжку! Пусть поставит за тебя свечку в церкви, да побольше. Сам иди переоденься, а потом выпей стаканчик фруктовой водки! Заслужил!

Паренек лет пятнадцати, мокрый хоть выжимай, радостно кивнул. Он еще не отдышался после только что совершенного подвига.

Элизабет снова закашлялась. Выплюнула еще немного воды, ощущая, как солнце пригревает ноги.

— Это ж надо — хотеть умереть в ее годы! — пробормотал мужчина, у которого тоже сбилось дыхание от усердия, с каким он пытался удалить воду из легких девушки.

— И что нам теперь делать, Ненесс?¹ — спросила у него жена.

— Для начала пусть очухается, — постановил мужчина. — Сейчас помогу ей сесть. А ты принеси одеяло и чашку кофе, Иоланда.

Лазар, их племянник, не раздумывая прыгнул в Сену, едва заметив в метре от лодки — тяжелой барки, оснащенной и паровым двигателем, и парусом, который сейчас был спущен, — желтое платье и разметавшиеся по воде волосы.

До Элизабет, бережно поддерживаемой лодочником, стало понемногу доходить, что ее спасли. Но для ее смятенного сознания это означало лишь одно: все начнется сначала. Стыд, угрызения совести, сожаления, а в особенности — этот мерзкий, мучительный страх.

— Зря вы это сделали, — пробормотала она со слезами на глазах. — Не нужно было меня спасать.

— Что? Не надо было вытаскивать вас из воды? — сварливо отозвался Нестор Дюрье, которого близкие именовали Ненесс. — Зато ниже по реке найдут одним трупом меньше!

Едва слышно проговорив «вы правы», молодая женщина попыталась встать, но у нее на это не хватило сил.

— Все пропало! — тихо и словно бы с удивлением пробормотала она.

А ведь казалось, что это простейший способ избавиться наконец от моральных терзаний, с некоторых пор отравлявших ей жизнь... Просто вышла из дома и побежала к Сене, не замечая ничего вокруг — ни погожего дня, ни красочных прилавков на тротуарах — и не думая о горе, которое причинит Бонни, своим родным и Вулвортам, ждущих ее в Нью-Йорке.

¹ Уменьшит. от Нестор.

Дальше — просто: забраться на каменный парапет моста Пон-Неф, прыгнуть... Элизабет содрогнулась, вспоминая мучительную сцену, имевшую место в квартире на улице Мазарини, где они жили уже несколько недель — Бонни, дядя Жан и они с Ричардом.

«Зачем он затеял скандал? Разозлился, сказал, что больше не может ждать, что наша свадьба назначена на субботу, а значит, у меня нет причин с ним не спать», — думала она.

Элизабет снова явственно ощутила большие руки Ричарда у себя на груди, между ног — он подстерег ее в момент, когда молодая женщина приводила себя в порядок. И если она еще как-то терпела поцелуи, проявления нежности, то допустить его до своего оскверненного тела, вне всяких сомнений носившего в себе плод этой скверны, — нет, об этом невыносимо было даже думать.

— Вот, выпейте, и сразу полегчает!

Она приняла из рук Иоланды Дюрье чашку кофе, и от привычного запаха на душе посветлело. Элизабет отпила горячего кофе и почувствовала, как ей на плечи опускается толстое одеяло.

— Спасибо, мадам, — сказала она, сделав еще глоток.

Потом с усилием подняла голову и широко открыла глаза. Супруги Дюрье невольно поразились небесной голубизне этих глаз и читавшемуся в них глубочайшему отчаянию. Прядка каштановых волос упала на лоб девушки, ничуть при этом не испортив утонченной красоты ее лица.

— Клянусь святым Николаем¹, вы — красавица! — воскликнула Иоланда. — Если ухажер вас бросил, он редкостный болван!

— Да помолчи ты! — одернул ее муж, пожимая плечами. — Причалим к набережной Конти и передадим ее жан-

¹ Покровитель мореплавателей. (Примеч. автора.)

дармам. Может, дашь ей во что переодеться? А вы, мамзель, крепитесь! Сейчас жена отведет вас в каюту.

Нестор Дюрье энергично вскочил на ноги, наклонился, обхватил Элизабет за талию и заставил тоже встать. Его супруга с тревогой наблюдала за происходящим.

— Ты бы с ней поосторожнее, Ненесс, — посоветовала она.

Несостоявшаяся утопленница пошатнулась, жалкая в мокром платье из желтого шелка, облежавшего ее чудесную фигуру. Чтобы не упасть, ей пришлось ухватиться за руку лодочника.

— Она поранилась! — вскричала в испуге Иоланда. — Ей надо в больницу и поскорее!

На деревянном настиле барки, в том месте, где только что лежала Элизабет, темнела красная лужица.

— Господи, спасибо, спасибо! — обрадовалась молодая женщина, как зачарованная глядя на кровь.

И с этими словами — крик души, ни больше ни меньше, — она беззвучно заплакала, а на лице ее отразилось безмерное облегчение.

Ричард Джонсон сидел, прислонившись спиной к парапету моста Пон-Неф. Его в буквальном смысле не держали ноги. Бледный, с искаженным страданием лицом, он не замечал ничего вокруг. Жестокая утрата — вот единственное, о чем он мог думать. Перед глазами стояла драгоценная Лисбет, какой он впервые ее увидел. Вот она спускается с карусели в Сентрал-парке, и на ее ярких розовых губках сияет счастливая, совсем еще детская улыбка... Она сразила его своей красотой, ясным взглядом голубых глаз, своей танцующей походкой.

Жандармы между тем все еще наблюдали за рекой, усеянной множеством лодок. Пансионерок увели, зеваки тоже

разбрелись. Остался только старик, с сочувствием поглядывавший на горящего парня. Он даже попытался его утешить, но американец словно не слышал его. Удар судьбы оказался слишком силен, и у него ни на что не было сил — даже чтобы утопиться самому.

— А может, мсье, все-таки это была не она? — неожиданно вскричал Ричард, обращаясь к старику. — На той девушке точно было желтое платье и черные лаковые туфли? И она была шатенка, вы уверены?

— Да, все как вы говорите, — с сожалением глядя на него, ответил старик. — Красивая молодая девушка. Вот горе!

Ричард с трудом сдержался, чтобы не заплакать. С чем он вернется на улицу Мазарини? Когда он бросился вслед за Элизабет, Бонни не было дома, но теперь она вернулась и наверняка тревожится, не зная, где они. Сердце словно тисками сжало при мысли, что придется сообщить ужасное известие женщине, которая последние двенадцать лет была для Элизабет верной наперсницей и подругой! Что до ее дяди Жана, то он нашел работу в парижском торговом квартале Лез-Аль и вернется только вечером.

— Все, ухожу!

Ричард Джонсон резко вскочил на ноги. Он все еще был очень бледен. Но тут старший по званию жандарм счел нужным его расспросить. Молодой человек был вынужден назвать свое имя, имя невесты и адрес проживания. Жандарм завершил разговор так, что у Ричарда в груди похолодело:

— Тело непременно выловят ниже по течению, мистер Джонсон, хотя, думаю, не очень скоро. Завтра или послезавтра, а может, и через неделю. Вас вызовут на опознание, вдруг это и правда мадемуазель Дюкен.

Ричард кивнул, чувствуя, как в висках стучит кровь. Ему было так плохо, что он не сразу уловил смысл сказанного другим жандармом. А тот как раз указывал на моторное

судно, причалившее в непривычном месте — у набережной Конти.

— Аджудан¹, мы не видели эту лодку, потому что ее загоразивала стрелка острова Сите и деревья на площади Вер-Галан! Кажется, они вытащили кого-то из воды. Женщину!

Ричард, у которого немилосердно шумело в ушах и к горлу подкатывала тошнота, как раз повернулся, намереваясь уйти. Услышав это, он замер. Это была отчаянная, но все-таки надежда.

В больнице Л'Опиталь-де-ла-Шаритэ, час спустя

Элизабет, в длинной белой ночной сорочке, приятно пахнущей мылом, лежала на узкой больничной кровати и... чувствовала себя совершенно счастливой. Приступообразную боль внизу живота она приняла как благословение. Седовласая медсестра подошла поправить у нее на груди одеяло, которое молодая женщина терзала пальцами.

— Постарайтесь лежать спокойно, мадемуазель, — посоветовала она доброжелательно и в то же время строго. — Ваше счастье, что вас так быстро спасли. А могли бы и задохнуться. Течением вас вынесло к барке, и, благодарение Богу, хороший пловец вас вытащил.

На все это молодая женщина отвечала тихо и смущенно: «Да, да, я знаю». Она не вполне еще осознала всю серьезность своего отчаянного поступка, но ни о чем не жалела, потому что чудо случилось.

«Будь у меня силы, я бы закричала от радости, увидев кровь в лодке! И когда заболел живот, тоже!» — думала она. Сейчас у Элизабет было одно желание: увидеть свою

¹ Старшее унтер-офицерское звание.

ненаглядную Бонни и чтобы та ее обняла. «Расскажу ей правду. Больше не могу молчать, — размышляла молодая женщина, радуясь, что осталась жива. — Ричард тоже должен знать. Даже если потом не захочет на мне жениться».

Слева и напротив были еще кровати, еще пациенты. Стоны, хриплый шепот... Элизабет им искренне сопереживала, ведь те, другие, мучились от телесных недугов, а она хотела покончить с собой из-за моральных терзаний, ставших невыносимыми.

«Завтра же, если отпустят из больницы, пойду исповедуюсь! — решила она. — Нужно будет еще дать денег этим славным людям и их племяннику, ведь им пришлось нанять фиакр, чтобы отвезти меня в больницу. Но как? Они собирались сразу отплыть, они сами так сказали».

Элизабет снова нервно затеребила одеяло. Если семья Дюрье и правда продолжит путь, она не сможет с ними расплатиться!

Опять подошла медсестра, и вид у нее был суровый.

— Мадемуазель, прошу, не надо волноваться. Мы уже послали человека по указанному вами адресу. Ждать осталось недолго.

— Да, да, простите! Но я сейчас думаю о тех, кто меня спас. Я даже не успела их как следует поблагодарить.

Это изящное, бледное лицо, этот умоляющий взгляд голубых глаз... Медсестра растрогалась. Погладила Элизабет по влажному лбу, улыбнулась, поправила мокрый еще завиток каштановых волос.

— Кажется, я знаю, о чем вы думаете, — прошептала молодая женщина, прислушавшись к своей интуиции.

— Неужели?

— Со мной это случилось из-за того, что я прыгнула в реку, до этого ничего такого я с собой не делала. Я бы

никогда не осмелилась сделать то, о чем вы думаете. Мне просто было очень-очень плохо.

— Если это по вине мужчины, моя хорошая, то вы — не первая и — увы! — не последняя, — отвечала медсестра тоже шепотом. — И не надо оправдываться: доктор, осмотревший вас сразу после поступления, сказал, что вы точно не беременны. А теперь отдыхайте!

С минуту Элизабет лежала зажмурившись, потом радостно улыбнулась.

«Если так, я все забуду! — пообещала она себе. — Теперь можно ехать. Я снова буду с *ма* и *па* в Нью-Йорке, и все опять будет хорошо!»

Мысли ее обратились к Мейбл и Эдварду Вулвортам. Как бы они огорчились, узнав о ее гибели! И могло ли быть по-другому? Вулворты десять лет опекали Элизабет и заботились о ней.

«Мои родители по зову сердца! Любимые и любящие!»

Звук стремительных, тяжелых шагов заставил ее вздрогнуть. К кровати быстро подошел мужчина. Ричард! Разгоряченный ходьбой, с блестящими от слез янтарными глазами, в купленном к свадьбе бежевом льняном костюме.

— Лисбет! — прошептал он. — Лисбет! Это правда ты! Меня к тебе не пускали. Заставили ждать в коридоре.

Он словно бы прибавил в росте, и его черные волнистые волосы чуть растрепались.

— Если этот господин вам докучает, скажите! — вмешалась медсестра. — Вы ведь просили прийти даму, вашу подругу Бонни.

— Это мой жених, он мне совсем не докучает, — заверила ее Элизабет.

— Тогда ладно.

Чтобы было удобнее разговаривать, Ричард опустился на колени у кровати, даже не глянув на стул для посетителей.